

КАЗИМИР СЛАСКИЙ
(Польша)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
СО СКАНДИНАВИЕЙ И ДРУГИМИ ПРИБАЛТИЙСКИМИ
ЗЕМЛЯМИ В VI—XI ВЕКАХ**

I. Исследования последних десятилетий значительно продвинули вперед изучение истории народов Балтийского бассейна начала средних веков. Однако некоторые проблемы этого периода до сего времени еще недостаточно разработаны. К ним принадлежит, между прочим, и вопрос о роли западных славян в экономической жизни бассейна Балтийского моря и их контактов с другими прибалтийскими народами, в особенности со скандинавами. На такое положение, прежде всего, оказало влияние то, что интересы большинства исследователей были привлечены к проблематике скандинавской торговли с Востоком и Западом, а также националистические тенденции, которые особенно распространены были в немецкой историографии периода между двумя мировыми войнами.

Данная статья, опираясь на результаты археологических изысканий польских ученых за последние годы, является попыткой подвести итог тем исследованиям, которые до настоящего времени имелись в этой области. Размеры статьи, конечно, не позволяют всесторонне рассмотреть этот вопрос, и поэтому автор намеревается ограничиться кратким очерком общей характеристики данной проблемы.

Имея в виду неодинаковую динамику исторического процесса у народов, населяющих побережье Балтийского моря, трудно установить общую периодизацию этапов их развития в раннефеодальный период. При рассмотрении этого вопроса можно в основном выделить три, следующие друг за другом фазы, охватывающие приблизительно следующие периоды времени: с середины VI в. до конца VIII в., IX в. и первую половину X в. и, наконец, от середины X в. до второй половины XI в.

II. Первые столетия раннего средневековья характеризуются рядом явлений, свидетельствующих о глубоких перемене-

нах, происходивших в экономической структуре стран Балтийского бассейна, особенно в его западных районах. Археологические находки этого периода на землях западных славян и в Дании весьма редки и в общем беднее, чем относящиеся к периоду римского влияния. Это менее ярко проявляется на Скандинавском полуострове, хотя и в шведских могильниках, начиная с конца VI века, уже не встречаются золотые изделия, еще довольно многочисленные в могильниках начала этого столетия. На всей прибалтийской территории отмечается исчезновение товаров средиземноморского происхождения¹.

Эти явления обыкновенно связываются с переломом, вызванным падением Западно-римской империи и переселением народов. Нет сомнения, что разложение античного средиземноморского мира и связанный с ним кризис производительных сил империи должен был найти свое отражение и на землях соседних народов.

Перемещение ободритов и велетов из Поморья в области между Одрой и Лабой, которые были оставлены германскими племенами, также оказывало кратковременное отрицательное влияние на динамику поморской колонизации, бывшей весьма оживленной в эпоху римского влияния. Такое же явление происходило и на землях, оставленных англами и ютами и занятых датчанами². Но несмотря на все это, нельзя в упомянутых явлениях видеть только глубокий кризис, вызванный переселением народов, поскольку некоторые из этих явлений (исчезновение торговли с югом, ухудшение качества скандинавской керамики) проявляются только во второй половине VI века. Мало того, в экономике народов западного района Балтийского бассейна одновременно появляются некоторые новые факты, указывающие на успехи в развитии производительных сил. Они проявляются прежде всего в постепенном переходе от подсечного земледелия к пашенному, благодаря введению усовершенствованной сельскохозяйственной техники. О распространении пашенного земледелия в VII—VIII веках в северных областях Польши свидетельствуют, между прочим, находки зерен ржи в

¹ B. Stenberger, *Gotlands silverålder* — «*Gotländskt Arkiv*», 1944, стр. 225.

N. Aberg, *Vendeltida förbindelser med fastlands germaniska och insulära kretsar*, «*Fornvännen*» 43, 1948, стр. 111—115; J. Brøndsted, *Vort Folks Oldtidsliv og forhistoriske Minder*, «*Schultz Danmarkshistorie*» cz. København, 1941, стр. 309—311; A. Gieysztor, *Epoka wspólnoty pierwotnej*, «*Historia Polski*», т. I, стр. 61—63.

² E. Schuldt, *Die Slavische Keramik in Mecklenburg und ihre Datierung*, «*Bodendenkmalpflege in Mecklenburg*», Jg. 1954, Schwerin, 1956, стр. 162 и сл.; H. Jankuhn, *Die frühmittelalterliche Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum*, «*Vorträge und Forschungen*», IV, 1958, стр. 454—455; V. La Cour, *Vort Folks Oprindelse og aeldste Historie indtil Vikingetiden og Danevaeldens Slutning*, «*Schultz Danmarkshistorie*», I, стр. 384—387. [62]

культурных слоях этого периода в Уйсце на Нотеци. Находки конских уздечек и шпор (Уйсце, Бониково) указывают на распространение скотоводства и коневодства³. Под влиянием этих достижений в VII—VIII вв. в некоторых областях Норвегии, в Упландии, в Скании и на западном Поморье отмечается ярко выраженное развитие поселений сельского типа. В области мореходства у скандинавских народов также можно отметить значительные успехи; благодаря распространению, начиная с IV столетия, килево-шпангоутной конструкции, появляется возможность мореплавания в открытом море⁴.

Повышение урожайности в области производства сельскохозяйственной продукции создало основы для существования односемейных хозяйств и развития частной собственности на землю. В связи с этим у наиболее развитых прибалтийских племен, т.е. — скандинавов и западных славян, стал все яснее нарастать процесс создания предпосылок нового феодального строя в рамках территориальных общин. Этот процесс был связан с конфликтами как между старейшинами и остальными членами общины, так и среди самих имущих слоев общины. Как правильно отметил Г. Лабуда, в регулярности этого исторического процесса следует искать объяснение многих явлений, которые чаще всего связывались с политическими переворотами времени переселения народов.

Предпосылки новых отношений проявились раньше всего в Швеции. Начиная с первой половины VI века здесь оформились первые центры феодальной государственности (Упландия, Западный Готланд, Восточный Готланд). Могильники «вендельского» периода (около 550—800 гг.) указывают на возрастающую имущественную дифференциацию погребений. Рядом с ранними «королевскими» некрополями в VII в. появляются богатые гробницы феодалов, похороненных в ладьях (Вендель, Валсгард, с. Ультуна), свидетельствующие о далеко идущем классовом расслоении общества.

В Дании процесс формирования раннефеодального общества происходил с незначительным опозданием по сравнению со

³ L. Leciejewicz, U źródeł bogactw i potęgi Pomorza Zachodniego w średniowieczu, «Szkice z dziejów Pomorza», т. I, стр. 8—17; D. Selling, Vikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden, Stockholm, 1955, стр. 9.

⁴ E. Dabrowski, L. Leciejewicz, Sprawozdanie z ratunkowych badań archeologicznych w Ujściu n. Notecia, «Przegląd Zachodni», 1954, № 1/2, стр. 239; Z. Hołowińska, Grodziska wczesnośredniowieczne w Bonikowie; там же, стр. 231; H. Jankuhn, указ. соч., стр. 456, 493; V. Łęga, Kultura Pomorza we wczesnym średniowieczu na podstawie wykopalisk, Toruń, 1930, стр. 382, 390; F. Genzmer, Germanische Seefahrt und Seegeltung, München, 1944, стр. 31—39; A. Gardawski — J. Gassowski, Polska starożytna i wczesnośredniowieczna, Warszawa, 1961, стр. 116—122, 128—132. [63]

Швецией. Здесь, начиная с VI века, образуются первые государственные организации, как, например, королевство Лире на острове Зеландия и небольшие государственные объединения в Скании, Фионии, Упландии. На территории Норвегии процесс объединения происходил слабее ввиду физико-географических условий, затруднявших контакты между отдельными территориальными единицами. Княжеская власть усиливалась в процессе борьбы с местными родовыми старейшинами, о чем свидетельствуют пожары богатых дворов, отмеченные археологами на островах Готланд и Борнхольм⁵.

Развитие общественных отношений в землях западных славян известно хуже, так как детальные исследования охватывали до сих пор только незначительное количество объектов раннего средневековья. На основании этих исследований и по аналогии с более обработанными материалами из Великой Польши, однако, можно сделать вывод, что процесс феодализации получил здесь также определенное развитие, как и в Скандинавии, хотя эти перемены и произошли здесь на несколько поколений позднее.

Можно предполагать, что, по крайней мере, некоторые из малых городищ VIII—IX вв. связаны с формированием класса феодалов. В некоторых случаях, например в Кенджине, старое городище VII—VIII вв. было заброшено для нового центра в Голаньчи и Даргоцицах. Аналогичное явление, хотя и более позднее по времени, можно констатировать при исследовании городищ около Гданьска. Возможно, что это было связано с акцией ликвидации некоторых феодальных центров более сильным соседом. Поморские предания о «королях», связанные с раннефеодальными городищами, являются отголосками этого этапа образования локальных центров власти⁶.

Зародыши больших государственных образований появляются одновременно у ободритов и полабов, вероятно, в течение VIII в., ибо франконские источники эпохи Карла Великого называют уже ряд князей на этих землях. Но из заметки Географа Баварского следует, что в Поморье еще в первой половине

⁵ G. Labuda, Recenzja H. Jankuhna, «Roczniki Historyczne», XXIV, 1958, стр. 246—337; B. Nerman, Sveriges första storhetstid, Stockholm, 1942, стр. 9—11; H. Jankuhn, указ. соч., стр. 456—458; H. Arbman, Fortiden, «Sveriges Historie», т. I, Stockholm, 1942, стр. 100—107, Historia Danorum Roeskildensis, «MGH. SS», стр. 23; V. La Cour, указ. соч., стр. 399—402.

⁶ L. Leciejewicz, U źródeł, стр. 19; K. Jażdżewski, Gdańsk X—XII w. na tle Pomorza wczesnośredniowiecznego, «Szkice z dziejów Pomorza» т. I, стр. 80—81; K. Słaski, Podania zachodnio — pomorskie jako materiał do badań wczesnodziejowuch, «Przegląd Zachodni», 1951, № 1/2, стр. 38—43; W. Hensel, Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, изд. II, Warszawa, 1956, стр. 325. [64]

IX в. существовали только маленькие территориальные единицы (*civitates*)⁷.

Борьба между возникающей княжеской властью и остальными группами рядовых старейшин вызвала торможение внешней торговли, которая уже отчасти была подорвана переселением народов.

В VI в. в Швеции наблюдается упадок импорта прирейнского и римского происхождения. Эти проявления изоляции проявляются еще яснее в датских археологических находках, относящихся к VII—VIII вв. К концу VI в. приходит в упадок и торговый путь с нижнего Рейна через Тюрингию и западнославянские земли в Пруссию, действовавший еще со времен Меровингов. Теряет свое значение также и вековой путь из долины реки Муравы до устья Одры и Вислы. Исчезают контакты северо-западных славян с Византией вдоль долины Вислы и Буга, о существовании которых еще в V в. свидетельствует клад в Басонии (уезд Пулавы)⁸.

Такое положение имело, однако, переходный характер. С момента утверждения раннефеодальной формы государственности у отдельных прибалтийских народов наступает более быстрое развитие производительных сил и новое оживление обмена. Одновременно начинает выделяться ремесленное производство. На территории Швеции бурно развивается металлургия, опираясь на богатые залежи руды Смаландии и Гестрикландии и на импорт благородных металлов. Также и в западнославянских землях, значительно более бедных сырьем, появляется ремесленная продукция, о чем свидетельствуют, например, золотые украшения VI—VII вв., найденные в Уйски образцы оружия, обработанные янтарные бусы, изготовленные в Поморье в VI—VII вв., а также зачатки использования Кольбергских солеварен⁹. Начинают возникать поселения, в более сильной степени связанные с ремесленным производством и обменом. Такие центры появлялись прежде всего в пунктах, имеющих выгодные условия коммуникаций, в местах культа и под защитой замков. Некоторые из этих поселений образовали местные рынки, куда собиралось окрестное население для торговли с прибывающими купцами. В этих поселениях ремесло и торговля

⁷ Einhardus, *Annales*, «MGH. SS.», I, стр. 174—175; S. Zakrzewski, *Opis grodów i terytoriów czyli t. zw. Geograf Bawarski*, Lwów, 1917; H. Łowmiański, *O pochodzeniu Geografa Bawarskiego*, «Roczniki Historyczne», XX, 1951.

⁸ H. Jankuhn, *Seehandelsplätze*, стр. 455; N. Aberg, указ. соч., стр. 111—115. S. Nosek, *Znalezisko z okresu wędrówek ludów na Lubelszczyźnie*, «Spraw. Pol. Muzeum Archeol.», IV., z., 1—2, стр. 89—96; G. Labuda, указ. соч., стр. 348; G. Ekholm, *De orientaliska glasens vägar mot Norden*, «Fornvännen», 51, 1956, стр. 263.

⁹ W. Hensel, *Słowiańszczyzna*, стр. 153, 173, прим. 3; устная информация др. доц. Яна Жака.

не составляли еще главного, выделенного занятия жителей, и только в более поздний период некоторые из них преобразовывались в настоящие города.

По мнению некоторых археологов, в Швеции центром такого типа был островок Лиллэ близ Упсалы. В культурных слоях VI в., и особенно в VII и VIII вв., там были найдены следы металлургического производства, наряду с многочисленными предметами импорта — франконского, ирландского, англосаксонского, эстонского. По-видимому, к периоду до VIII в. следует отнести также зарождение Хайтхабу¹⁰. На прибрежных западнославянских землях этот процесс происходил с известным опозданием по сравнению со Скандинавией. В VIII в. торговым, а может быть и ремесленным поселением, был порт ободритов, называемый датчанами Рерик, местонахождение которого пока не установлено. На основании предания хроники об убийстве в Рерике князя ободритов в 808 году, можно предполагать, что там существовал какой-то центр княжеской власти. Этот самый источник рассказывает, что датский король Годфрид переселил оттуда купцов в Хайтхабу (Шлезвиг) после уничтожения славянского торгового центра. По-видимому, Рерик был известным торговым пунктом, который успешно конкурировал с датскими торговыми центрами. Поэтому датчанам было важно его ликвидировать, хотя они и имели от него определенную выгоду в виде собираемых там податей.

Современное состояние археологической науки не позволяет полностью установить процесс возникновения городских центров у ободритов, велетов и поморян. Все же кажется весьма достоверным, что зарождение некоторых из этих центров можно отнести к рассматриваемому времени. Так, например, изыскания, проведенные в Колобжеге, показали, что уже в VII— VIII вв. там существовало поселение, связанное с эксплуатацией соляных вод. Найдены также следы открытого поселения на месте, где в IX в. возникло укрепление. Не исключена возможность, что это был первый зародыш, из которого позднее развился важный городской центр¹¹. Жители городища Кенд-

¹⁰ W. Hensel, указ. соч., стр. 319—322; H. Jankuhn, указ. соч., стр. 489 и сл.; B. Nerman, *Ostbaltiskt fran yngre Vendelstid bland fynden fran Helgön*, «Fornvännen» 51, 1956, стр. 150 и сл.

¹¹ Einhardus, *Annales* (Laur.) г. 808, стр. 195: «Godefridus ... destructo emporio, quod in oceani littore constitutum lingua Danorum Reric dicebatur et magnam regno illius commoditatem vectigalium persolutione praestabat, translatisque inde negotiatoribus, saluta classe ad portum, qui Sliesthorp dicitur ... venit» и там же, г. 809, стр. 196; «Thrasco dux Abotritorum in emporio Reric ab hominibus Godefredi perdolum interfectus est». W. Filipowiak, *Badania archeologiczne nad tysiacleciem państwa polskiego na Pomorzu Zachodnim w 1959 r.*, «Szczecin», 1960, 1/2, стр. 145; L. Leciejewicz, *Początki Kołobrzegu w świetle ostatnich badań*, «Szczecin», 1960, 1/2, стр. 11—12. [66]

жино в VIII—IX вв. занимались ремеслом, металлургией. Развит у них был и торговый обмен, о чем свидетельствуют находки арабских диремов.

В VII—VIII вв. возникли новые торговые связи, в которых прибалтийские земли стали играть все большую роль. Франконское государство являлось посредником в снабжении земель ислама мехами, воском, а несколько позже и рабами, которые поставлялись скандинавскими, западнославянскими и прибалтийскими народами. В этой торговле активное участие принимали фризы. Археологические исследования показывают, что главные дороги обмена вели от устья реки Ейдер, долинами рек Треене и Рейде до Хайтхабу, откуда до торговых центров на острове Готланде и в область озера Мёлар, дальше — до прибрежных славянских земель. Применение в VI в. паруса дало возможность фризским, а затем и скандинавским мореходам достигать дальних побережий¹². Нет сомнения, что торговля фризов охватывала также и западнославянские земли. Археологические находки предметов ремесла в древнейших слоях Волина аналогичны нижнерейнской ремесленной продукции.

Кроме фризов значительной активностью отличались также шведы и в несколько меньшей степени датчане. Норманны достигали западнославянского побережья уже в «вендельский» период, но все же там нет следов постоянных скандинавских поселений, какие отмечаются на финском, куронском и прусском побережьях. Последние исследования Я. Жака доказали существование торгового обмена между славянскими племенами и их северными соседями в тот период¹³. На основании археологических находок можно сделать вывод, что в этой торговле принимали участие ободриты и велеты, но главную роль играли западнопоморские племена. Это подтверждается также и тем, что на территории позднего Мекленбурга до сих пор зарегистрировано всего три поселения, в которых найдены бесспорные предметы скандинавского импорта того времени, в Ругии — одно, в Поморье — три, а в районе устья реки Одры таких поселений насчитывается, по крайней мере, десять. На

¹² S. Bolin, Muhammed, Karl den store och Rurik, «Scandia», XII, 1939, стр. 206—207; H. Jankuhn, Der fränkischfriesische Handel zur Ostsee im frühen Mittelalter «Vierteljahrschrift f. Sozial — und Wirtschaftsgeschichte», 40, 1953, стр. 193—243; N. Aberg, Vendeltida förbindelser, стр. 113; V. La Cour, указ. соч., стр. 504; E. Cnotliwy, Wczesnośredniowieczne przedmioty z rogu i kości z Wolina na stanowisku nr. 4, «Materiały Wczesnośredniowieczne», IV, Szczecin, 1958, стр. 221.

¹³ Por. D. v. Kleist, Die urgeschichtlichen Funde des Kreises Schlave, Hamburg, 1955, стр. 19; H. Łowmiański, Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, Warszawa, 1957, стр. 17—23; J. Zak, Kontakty społeczeństw zachodnio-słowiańskich ze skandynawskimi w VI—VIII w. (praca w druku) oraz informacje ustne Autora; E. Petersen, Der ostgermanische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenfunde des 6—8 Jahrh., Leipzig, 1939, стр. 33, 72, 93, 94, 118.

Гданьском Поморье нет достоверных находок этой категории. Скандинавский импорт состоял, главным образом, из золотых брактеатов, украшений из благородных металлов и бронзы (золотые ожерелья из Колобжега и Старогарда), мечей и ножен к ним (из Щецина, например), оселков из песчаника (например, из Витгова на Ругии). Большинство этих предметов можно датировать VI — началом VII вв. Характер находок показывает, что они предназначались для удовлетворения потребностей родовых старейшин. При этом бедность находок VII—VIII вв. связана, по-видимому, с периодом внутренних конфликтов в этом общественном слое, вызванных образованием зачатков государственности¹⁴.

Не исключено также, что часть мечей франкского происхождения, которые были найдены на территории балтийских славян в VII—VIII вв., были доставлены сюда при посредничестве норманнов. Но все же некоторые из этих находок, по-видимому, следует отнести к непосредственному обмену, о котором упоминают королевские указы со времен каро-лингов¹⁵.

Исследования до настоящего времени еще не выяснили в полной мере характера вывоза из земель западного славянства. Можно допустить, что часть мехов, доставленных на франкские рынки, а затем вывезенных в земли Халифата, происходила с этих территорий, легко доступных для западных купцов как морским путем из Фризии, так и сухопутным путем через Тюрингию. Еще в начале XII в. одно из племен балтийских славян платило саксонскому князю подать куньими шкурками. Арабские источники упоминают о славянских рабах в Испании уже в 762 г. Но вывоз невольников, как правильно заметил Г. Лабуда, мог получить более широкие размеры только с момента введения феодальной зависимости для значительной части населения, т.е. на следующей фазе исторического развития.

Исследования Я. Жака показали, что балтийские славяне до VI—VIII вв. доставляли в скандинавские страны янтарные бусы и кольца для волос, пряжки и ожерелья. Судя по экземплярам, найденным в Фрёлунде (на острове Еланд), а также в шведско-прусском поселении Вискияутен, на север экспортировали шпоры с крючкообразным окончанием, с которыми за-

¹⁴ М. В. Mackesprang, *De nordiske Guldbrakteater*, Aarhus, 1952, стр. 47, 52, 87; Н. Öberg, *Guldbrakteaten fran nordens Folkvandringstid*, Stockholm, 1942; E. Petersen, *Nordische Goldbrakteaten der Völkerwanderungszeit aus Mecklenburg*, Schwerin, 1940, стр. 40—42; J. Zak, *Brakteaty z Wapna*, «Przełąd Archeologiczny, IX, 1950, т. I., стр. 103 и сл.

¹⁵ *Np. miecze ze Szczecina, Źydowa pow. Sławno. Por. W. Łęga*, указ. соч., стр. 616.

падные славяне познакомились уже раньше при посредстве государства меровингов¹⁶.

Покупателями привезенных товаров, а также поставщиками для обмена были в эту эпоху представители рождающегося класса феодалов, которые использовали свой экономический перевес над остальным населением.

Морские походы скандинавов «вендельского» периода нашли свое отражение в целом ряде древних преданий. Поскольку в этих преданиях очень мало говорится о борьбе со славянами, можно предполагать, что контакты с ними в тот период носили преимущественно мирный характер. Спорным остается вопрос о том, в какой мере славяне принимали участие в балтийском мореходстве VI—VII вв. Историки В. Коваленко и Г. Лабуда предполагают, что известный рассказ Корнелия Непоса (58 г. н. э.) об «индах», загнанных бурей на фризское побережье, касается западных славян (Vindi). Археологические исследования до сих пор не доставили, однако, доказательств того, что ладьи с килем, пригодные для мореходства в открытом море, были знакомы западным славянам ранне-средневекового периода. Но открытие лодок-долбленок значительных размеров позволяет предположить, что прибрежное мореходство развивалось у них в VII—VIII вв. достаточно интенсивно. Предания, касающиеся причерноморских и адриатических славян, свидетельствуют, однако, что при благоприятных условиях они, даже на судах этого типа, выходили в открытое море. Поэтому нельзя исключить, что и их северные собратья плавали к датским островам и побережью Скандинавии¹⁷.

III. Последние столетия первого тысячелетия нашей эры в районе Балтийского моря характеризуются необыкновенной экономической и политической активизацией. Относительно этих событий имеется богатая историческая литература. Большинство буржуазных исследователей рассматривало этот период главным образом с точки зрения норманской экспансии, называя его «периодом викингов». На первом плане у них стоял вопрос о роли обмена Скандинавии со странами Ближнего Востока¹⁸. И все же кажется, что объяснение проблематики это-

¹⁶ S. Bolin, указ. соч., стр. 206; G. Labuda, указ. соч., стр. 348; Annales Corveyenses, «MGH. SS.» III, p. 8; J. Žak. Kontakty j. w.; W. Hensel, Słowiańszczyzna, стр. 449.

¹⁷ C. Plinius, Historia naturalis, I cap. 67; «... Indos a rege Suevorum dono datos qui ex India commercii causa navigantes tempestatibus essent in Germaniam abrepti»; por. W. Kowalenko, Najdawniejsze związki Prasłowian z Bałtykiem, «Przegląd Zachodni», 1951, № 1/2, стр. 17; G. Labuda, Vidivarii Jordanesa «Slavia Occidentalis», XIX, 1948, стр. 79; W. Hensel, указ. соч., стр. 412, 430; Np. Saxo, Historia Danorum, VI, стр. 187; VIII, стр. 276.

¹⁸ Por. np. C. Hallendorf — A. Schück, History of Sweden, Stockholm, 1929, стр. 14; V. Scheel, Die Wikinger, Aufbruch des Nordens wyd. 2. Stuttgart, 1938, стр. 95—98; S. Bolin, указ. соч., стр. 210; H. Arbman. Svear i Österwiking, Stockholm, 1955, стр. 16 и сл. E. Hornborg, Kampen от Östersjon, Stockholm, 1945, стр. 1—30. [69]

го периода следует искать не столько в развитии международной торговли, сколько прежде всего в общественно-экономических переменах, происходивших в жизни общества прибалтийских и славянских стран.

В IX—X вв. на всей территории западного славянства обозначилось дальнейшее развитие и распространение пашенного земледелия и применение усовершенствованных земледельческих орудий, о чем свидетельствуют, между прочим, находки зерен ржи в многочисленных поселениях этого периода (Щецин, Гданьск, Волин). По рассказу Ибрагима ибн Якуба, из земель ободритов в первой половине X в. вывозились верховые кони. Поморские поселения распространяются на слабозаселенные до сих пор лесные пространства. Подобные явления можно также констатировать в Швеции, Ютландии и других прибалтийских странах¹⁹.

Развитие земледельческого производства повлияло на ускорение процесса отделения ремесленных и торговых профессий от сельского хозяйства. Рядом с укреплениями и удобными портами, в местах культа возникают большие поселения, в которых стало собираться население, занимающееся в значительной степени или исключительно ремеслом и торговлей. Излишки продукции, получаемые земледельцами, дали возможность жителям городов производить обмен продуктов их ремесла и торговли на необходимые продукты питания и сырье. Этот процесс вызвал упадок некоторых более старых центров обмена, у которых не было соответствующих условий для преобразования в города. Так, например, Бирка развилась в IX в., как можно предполагать, за счет Лилле, а Хайтхабу оставил далеко позади себя ободритский Рерик. Образование первых городских поселений у скандинавских народов падает на IX и частично на X век²⁰.

Усиление активности викингов на рубеже VIII—IX вв. находилось в тесной связи с процессами феодализации, происходящими в скандинавских странах. Г. Ловмянский метко заметил, что пока господствующий класс не организовал еще эф-

¹⁹ G. Labuda, указ. соч., стр. 347; W. Hensel. *Słowiańszczyzna*, стр. 56 и сл.; W. Lega, указ. соч., стр. 290—293; E. Oxenstierna, указ. соч., стр. 124; M. Klichowska, *Zmleziska zbóż na terenie ziem polskich od neoktu do XII w. n. e.*, «Kwartalnik Histori Kultury Materialney», 1961, N 4, стр. 675—701.

²⁰ H. Arbman, *Birka, Sveriges äldsta handelsstad*, Stockholm, 1939; он же, *Svear i Österviking*, стр. 16—20; H. Jankuhn, *Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit*, Neumünster, 1956; «Тор» 1949/50, стр. 120—140; H. Jankuhn, *Die frühmittelalterliche Seehandelsplätze*, стр. 496; V. La Cour, указ. соч., стр. 504. [70]

фактивного государственного аппарата, который обеспечил бы ему регулярные доходы за счет широких масс народа, он черпал значительную часть необходимых себе прибылей из разбойничьих набегов и торговли. На рубеже VIII и IX вв., вследствие расширения товарного обмена и возникновения городских центров, торговля стала концентрироваться в руках той части имущих слоев, которая поселилась в городах.

Вследствие этого, остальная часть феодалов должна была в значительной мере отказаться от торговли и искать добычу или в более частых набегах на богатые побережья, или же в военной службе у своих или чужих более сильных феодальных владетелей. Такое явление усиленного морского разбоя является правилом, выступающим у всех народов Балтийского бассейна на известном этапе их общественного развития²¹.

Выделение основных ремесленных и торговых занятий и возникновение городов на землях западных славян отмечается в несколько более поздний период, чем в скандинавских странах. Жизнеописание св. Анскара конца IX в. рассказывает, например, что около 860 года, после неудавшегося похода на Бирку, датские и шведские викинги на 32 кораблях решили вознаградить себя за неудачу, организовав нападение на большое поселение славян, по всей вероятности, на Волин. Источник подчеркивает, что нападающие возвратились к себе после завоевания города с богатой добычей и сокровищами. В самом деле, археологические исследования показали, что Волин в первой половине IX века уже был значительным ремесленно-рыбацким поселением. Были найдены, между прочим, остатки стекло-обрабатывающей и металлургической мастерских, оборудование порта. Ясные следы пожара, который уничтожил Волин около середины IX в., связываются с упомянутым выше датским нападением. Однако вновь отстроенное поселение уже к концу IX века имело отчетливый характер городского портового центра, застроенного, с развитым ремесленным производством: обработка янтаря, токарное дело, изготовление гребней, стеклянных бус, металлургия, кораблестроение²².

²¹ H. Łowmiański, *Zagadnienie roli Normanów*, стр. 63—65; G. Labuda, указ. соч., стр. 349; он же, *Rodzime podstaury*, стр. 21.

²² Rimbartus, *Vita Anskarii* — «MGH. SS.» II, p. 703—704 «... Iterum quaesitum est in quam partem ituri essent (т.е. датские пираты) ubi sibi pecuni pecuniam acquirerent ... Ceciditque sors quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent. Dani ... improvise civitatem illam armis ceperunt et captis in ea spoliis ac thesauris multis ad sua reversi sunt»; W. Filipowiak, *Badania nad początkami państwa polskiego w r. 1952; Wolin* — «Przegląd Zachodni», 1953, № 1/3, стр. 237; он же, *Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Wolinie w r. 1953—1954* — *Sprawozd. Archeologiczne IHKM. PAN*, т. I, 1955, стр. 179; он же, *Wolin, największe miasto Słowiańszczyzny Zachodniej* — «Szkice d dziejów Pomorza», т. I, 1959, стр. 47—50; J. Wojtasik, *Znaleziska bursztynowe ze stanowiska nr. 4 w Wolini* — «Materiały zachodnio-pomorskie», III, 1957, стр. 83. [71]

Зачатки городского поселения в Колобжеге также следует отнести к середине IX века, если не к еще более раннему времени. Недалеко от солеварен, эксплуатируемых уже в VII—VIII вв., развилось городское поселение, где были найдены следы обработки янтаря, рога, остатки кораблестроения, выплавки железа, развивающейся торговли²³.

Сведения о возникновении других западнославянских городов довольно скудные. Можно допустить, что в X веке значительным центром был вагрийский Старогард, т.к. здесь в 952 году была создана резиденция епископа. По предположению В. Коваленко. Старогард был «старым городом» по отношению к Любеку. Наряду с Хайтхабу, Старогард выполнял функцию порта перегрузки для товаров, перевозимых с Северного моря на Балтийское. Так, Адам Бременский, описывая путь из Гамбурга в Волин, отмечает, что нужно подняться на корабле в Хайтхабу или Старогард²⁴.

В рассказе Ибрагима ибн Якуба, путешествие которого состоялось в 965—966 гг., говорится об укреплении Накона — властителя ободритов. Этот пункт идентифицируется со Сварингом (Шверингом). Этот же путешественник упоминает, кроме того, большой порт велетов, относительно идентификации которого существуют различные мнения. Г. Лабуда допускает, что речь идет о Вологоще (Волгаст). В. Коваленко, Л. Суловский и И. Довиат высказываются в пользу Узнамья, а В. Филиповяк предполагает, что здесь идет речь о Волине²⁵. Рассказ арабского писателя Абул-Фрида, который также опирается на более раннюю информацию Ибрагима, называет на востоке от этого велетского порта местность Садзин или Сасин, по предположению Щецин. Археологические исследования на территории этого города показали, что в конце IX в. здесь существовало земледельческо-рыбачье поселение, которое в начале X века преобразовалось в город²⁶.

²³ L. Leciejewicz, Początki Kołobrzegu, стр. 13.

²⁴ Adam Bremeński, Gesta, II, гл. 18: «Waigri ... eorum civitas Aldinburg maritima; там же, гл. 19; W. Kowalenko, Starosłowiańskie grody portowe na Bałtyku, «Przegląd Zachodni», 1950, № 5/6, стр. 394.

²⁵ T. Kowalski, Relacja Ibrahima ibn Jakuba, «MPN, ser. II, т. I, Kraków, 1946, стр. 48—50, 67—71; G. Labuda, Ibrahim ibn Jakub, «Roczniki Historyczne» XVI, 1947, стр. 124—125; Z. Sułowski, Najstarsza granica zachodnia Polski, «Przegląd Zachodni», 1952, № 3/4, стр. 440—442; W. Kowalenko, Piana, Swina i Dziwna jako szlaki wodne, «Przegląd Zachodni». 1954, № 1/2, стр. 54 и сл.; J. Dowiat, Ukształtowanie się księstwa zachodnio pomorskiego, «Przegląd Historyczny», XLX, 1954, N 2—3.

²⁶ T. Wieczorowski, Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Szczecinie w 1954 r. «Sprawozdania Archeologiczne, IHKM. PAN.», 1955, т. 1., стр. 195 и сл.; G. Labuda, Problematyka badań wczesnodziejowych Szczecina, «Przegląd Zachodni», 1952, № 3/4, стр. 547 и сл.; T. Wieczorowski, Kilka uwag w sprawie wyników badań archeologicznych na Starym Mieście w Szczecinie, «Szczecin», 1959, № 11/12, стр. 13.

IX и X вв. ознаменовались значительным развитием международной торговли, связанной с удовлетворением потребностей образующегося класса феодалов как в скандинавских, так и в западнославянских странах. Располаясь продуктами труда своих подданных, феодалы могли поставлять большое количество товаров, в которых нуждались заграничные покупатели. Вследствие этих обменных операций, в руках феодалов концентрировалось значительное количество металлических денег, главным образом из благородных металлов, которые временно были изъяты из обращения в связи с усилившимися колебаниями во внутренней торговле. Это подтверждается многочисленными кладами, найденными, главным образом, на острове Готланд, в центральной Швеции, на Борнхольме и на Поморском побережье²⁷.

Клады, в особенности шведские и поморские, чаще всего содержат монеты и украшения восточного происхождения. Одновременно на территории Швеции значительно уменьшается количество западноевропейских монет, которые часто встречались здесь на рубеже VIII—IX вв. С. Болин правильно связывает это явление с упадком франконского посредничества в торговле с Халифатом, вследствие того, что установились прямые контакты скандинавов со странами Ислама через государства Восточной Европы. Эти контакты были облегчены проникновением шведских мореплавателей на Днепр и Волгу. Формирование раннефеодальных отношений на территории Руси также способствовало развитию этого обмена²⁸.

Небольшое количество монет арабского происхождения появилось на западнославянском побережье уже в конце VIII в., о чем можно заключить на основании отдельных находок из Карсибора (около 698 г.), из Лежицы Волииского уезда (около 714 г.), из Бялогарда (после 785 г.). В Польше наплыв этих монет отмечается только с половины IX в. Клады, содержащие серебро восточного происхождения, концентрируются главным образом в устье Одры, на польском западном Поморье и в меньшей степени на Гданьском Поморье. На территории Мекленбурга они встречаются значительно реже.

Вполне возможно, что часть этих монет и сокровищ попадала к славянам путем обмена или грабежа через скандинав-

²⁷ S. Tabaczyński, Z badań nad wczesno średniowiecznymi skarbami srebrnymi Wielkopolski, «Polskie badania archeologiczne», 2. 1957, стр. 45—49; T. i R. Kiersnowscy, Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Ponzorza, указ. соч., 4, 1959; M. Stenberger, указ. соч., стр. 21.

²⁸ S. Bolin, указ. соч., стр. 208—218; H. Arbman, Svear i Österviking, стр. 18, 100; B. Nerman, Sveriges första storhetstid, Stockholm, 1942, стр. 171 и сл.

ские страны. Судя по размещению этих кладов, можно сделать вывод, что наиболее четко вырисовываются контакты поморян со шведами — главными поставщиками восточного импорта на Балтийское море²⁹. Но следует иметь в виду существование и другого пути, который вел из Киевской Руси вдоль Буга и Вислы к Балтийскому морю. Этот путь мог играть значительную роль в снабжении, особенно Гданьского Поморья, серебром восточного происхождения. Необходимо также иметь в виду возможность прямых контактов со Старой Ладогой и другими портами Руси³⁰.

Развитие металлургической промышленности в Швеции обусловило экспорт оружия и украшений в другие прибалтийские страны. Техника обработки этих предметов в X веке стала стереотипной и менее тщательной, чем раньше, что свидетельствует о массовой продукции, предназначенной на рынок. Можно предположить также, что часть продукции и монет англосаксонского, фризского и прирейнского происхождения доходила к западным славянам при посредничестве норвежцев и датчан. Между прочим, через Хайтхабу действительно доставлялись руды, необходимые для выработки бронзы, а также часть оружия из франконских мастерских. На землях древних ободритов встречаются экземпляры франконского и скандинавского оружия этого периода, а также клады диргемов, находимые, главным образом, в восточной части страны (например, мечи из Волкова и Горшендорфа около Мальхина). В западном Поморье был найден целый ряд предметов скандинавского импорта этого периода. Так, например, фибулы бронгольмского происхождения, фрагменты норвежского браслета и железная шпора, относящаяся к X веку, были найдены в Колобжеге, в Волине — арматура мечей, в Любеке — каменные сосуды и шифер, из которого изготовлялись оселки, привозимые из Норвегии³¹.

О прямых контактах со скандинавами свидетельствуют также бронзовые весы IX века, найденные в Колобжеге, три мед-

²⁹ A. Suhle, Nordische Pfennige in Funden von Pommern und Pommereuen, «Mannus», 28, 1936, № 2, стр. 287; S. Tabaczyński, Z badań, стр. 12—20; K. Jażdżewski, Gdańsk w X—XIII w. na tle Pomorza wczesnośredniowiecznego, «Szkice z dziejów Pomorza», I, 1958, стр. 77—81.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые отношения, «История культуры древней Руси», т. I, Москва, стр. 342. H. Arbman, Une route commerciale pendant les X et XI s., «Slavia Antiqua», I, 1948, стр. 435; T. Lewicki, Nowe znalezisko arabskich dirhemow w Lublinie, «Z otchłani wieków» XX, 1951, стр. 61.

³¹ A. Oldeberg, Metaltechnik under forhistorisk tid. Lund, 1942, стр. 131 и сл., т. I; H. J. Eggers, Das Wikingergrab von Zwielipp, «Beiheft zur Erwerbungs und Forschungsbericht», 1938, стр. 22—24; L. Leciejewicz, Początki Kolobrzegu, стр. 13; он же, Kolobrzeg we wczesnym średniowieczu, стр. 87—89; W. Filipowiak, Wolin, стр. 60, 65; W. D. Asmus, Wikingerspuren in Meklenburg, «Mannus» 26, 1934, ч. 2, стр. 29. [74]

ных котелка VII—X вв., аналогичные экземплярам, найденным в Бьере и Бьергене на острове Готланд. Они были найдены на территории прежнего Волинского порта, что позволяет допустить их принадлежность к снаряжению скандинавских кораблей, которые заходили в Волин.

Новейшие исследования показали безосновательность предположений о существовании каких-либо больших скоплений скандинавского населения на западнославянском побережье. Это, конечно, не исключает возможность поселения в приморских центрах отдельных скандинавских купцов или ремесленников³².

Импорт из скандинавских стран в земли западных славян безусловно предполагал и экспорт в виде товаров, приобретенных у славян. Однако эта сторона обмена до сих пор еще не достаточно исследована.

Предметом вывоза в Скандинавию были, без сомнения, янтарные изделия и некоторая продукция металлургических мастерских, как, например, височные кольца с крючкообразным окончанием, брелки и др. В Хайтхабу и Бирке были найдены костяные и роговые изделия, изготовленные в поморских мастерских. Необходимо также иметь в виду экспорт славянской керамики, которая превосходила по качеству скандинавские изделия, хотя, с другой стороны, часть посуды славянского типа, встречающаяся в Швеции, была без сомнения изготовлена на месте, быть может странствующими ремесленниками или военнопленными. Гончарные изделия западнославянского происхождения появляются в Швеции с половины IX в. чаще всего в окрестностях озера Мёлер и в небольшом количестве в Восточном Готланде. Встречаются они также и на землях датчан в X веке, близ Лунда и Хайтхабу. По мнению Б. Нермана, немецкие монеты, найденные на острове Готланд, доходили туда транзитом через славянские земли³³.

В IX и X вв., вследствие утверждения феодальных отношений, на западнославянских землях получает развитие торговля невольниками. Главными их покупателями были исламские государства. Арабский автор второй половины IV в. Ибн Хурдадбек рассказывает, что «от западного моря приходят кастраты

³² W. Filipowiak, Kotły brązowe z średniowiecznego portu Wolina, «Materiały zachodnio-pomorskie», I, 1955, стр. 84—89; Odnosiście problemu osadnictwa normańskiego por. H. Lowmiański, Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, стр. 31 и сл.; W. Filipowiak, Wolin, стр. 43—44.

³³ K. Musianowicz, Kabłączki skroniowe, «Swiatowid» XX; W. Hensel, Słowiańszczyzna, стр. 449; H. Arbman, Svear i Österviking, стр. 112; D. Selling, Vikingerzeitliche und Frühmittelalterliche Keramik in Schweden, Stockholm, 1955, стр. 9—11, 70, 94, 218, 228; B. Nerman, Sveriges förste storhetstid Stockholm, 1942, стр. 239; H. Jankuhn, Die Ausgrabungen in Haithabu 1937—1939, стр. 136, 176.

склабские ..., как и шкуры бобров и другие меха». В первой половине IX в. эта торговля достигла своего наивысшего развития, причем в торговле с северными странами активное участие принимали франки и фризы.

В более позднее время восточные страны получали невольников и меха главным образом через посредничество Руси³⁴. Невольники, происходившие из скандинавских и славянских стран, бывших в то время еще языческими, частично находили сбыт на территории каролингских государств, правовые обычаи которых осуждали торговлю людьми христианской религии. Автор биографии святого Анскара подчеркивает с негодованием, что невольники-христиане, которым удавалось убежать от язычников на территории Нордальбингии (на север от Гамбурга), снова продавались язычникам, удерживались в неволе или же уступались другим христианам внутри страны. Из этого известия следует, что язычники, т.е. датчане и полабы, также участвовали как покупатели в торговле живым товаром. Тот же самый автор рассказывает, что епископ Анскар скупал на норманских и славянских рынках юношей, чтобы воспитать их христианами. Важным центром в торговле живым товаром был датский порт Хайтхабу, где перекрещивались пути, ведущие из скандинавских и славянских стран на запад³⁵.

Торговые отношения западных славян с другими народами, населяющими побережье Балтийского моря, до сих пор детально не изучены. Можно допустить, что прусские мореплаватели посещали в это время устье Одры, и именно от них скандинавы приняли для Волина наименование Йом. Возможно также, что находки прусского происхождения VII—VIII вв., обнаруженные в Прутске и Притзербе (ГДР) были импортированы через порты Поморья. На территории Гданьского Поморья найдено незначительное количество предметов прусского происхождения (например, в Опаленице около Гданьска), датировку которых также нельзя считать достаточно точной. И. Антоневиц выдвинул гипотезу, что центр в Трусо обслуживал в IX и начале X вв. также потребности славянского населения на восточном побережье Вислы. Можно предполагать, что некоторые экземпляры оружия, найденные на территории Пруссии, могли быть доставлены туда сухопутной дорогой через земли западного славянства, которое поддерживало оживленный торговый обмен с франконской монархией³⁶.

³⁴ Т. Lewicki, *Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny*, т. I, 1956, стр. 69; S. Bolin, указ. соч., стр. 208—214.

³⁵ Rimbartus. *Vita Anskarii*, «MGH. SS.» II, стр. 700, 719, 721; *Vita Rimbarti*, «MGH. SS.» II, стр. 773; «(Rimbartus) in loco Sliaswich vidit multitudinem christianorum catenatam.»

³⁶ W. Łęga, указ. соч., стр. 152, 187, 190—194, 409; J. Antoniewicz, *Prusowie we wczesnym średniowieczu i zarys ich kultury materialnej*, «Szkice z dziejów Pomorza», ч. I, стр. 144—146; G. Labuda, *Rodzime podstawy*, стр. 22—23.

На территории западного и восточного Поморья было найдено некоторое количество предметов русского происхождения, как, например, пряслица из шифера, трещотки, глиняные раскрашенные яйца, стеклянные бусы. Трудно, однако, установить, каким путем они попали сюда. Значительную роль в этой торговле играло, конечно, скандинавское посредничество. И все же нельзя исключить прямых контактов с главным портовым центром северной Руси того времени — Ладогой. Некоторые находки, например фибулы из Богумина, обнаруживают много аналогий с предметами, найденными в районе Старой Ладogi. В рассказе Ибрагима ибн Якуба есть место, указывающее на то, что руссы напали на пруссов и что могли совершить это они только морским путем. Отсюда можно предположить, что их походы, отправным пунктом которых была Ладога или Двина, уже в X веке могли распространяться до западнославянских центров. Аль Масуди, который писал в середине X века, упоминает, что жители Ладogi путешествовали с товарами до Андалузии и Рима, а, следовательно, должны были заходить и в балтийские порты. В другом месте Ибрагим упоминает, что торговля западных славян распространялась до руссов. Это может относиться только к пути, шедшему из балтийских портов³⁷.

Вопрос об участии западных славян в мореходстве этого периода пока еще достаточно не изучен. Кажется, что в течение IX в. господство на Балтийском море безраздельно принадлежало скандинавам. Однако в это время славяне познакомились с техникой постройки кораблей с килем, пригодных для плавания в открытом море. В Волине недавно были найдены остатки верфи, относящиеся к концу IX началу X вв. Судя по найденным деталям, волиняне строили ладьи длиной до десяти метров. О быстрых успехах поморского кораблестроения свидетельствует обнаруженная несколько лет тому назад третья ладья из Харброва, которая, по предположению ученых, относится к X в. Длина судна достигает 13,76 м, ширина 3,35 м, осадка 0,85 м, а грузоподъемность около 6 т. Характер постройки, а именно — отлогие боковые соединения руля с килем,

³⁷ Т. Kowalski, *Relacje Ibrahima ibn Jakuba*, стр. 50; W. Łęga, указ. соч., стр. 187, 617; Z. HilczeroŃna, *Przyczynki do handlu Polski z Rusiа Kijowskа*, «Przegląd Archeologiczny», IX, 1950, стр. 14—17; H. E. Eggers, *Ein Gräberfeld der Wendisch — wikingischer Zeit bei Barwin*, «Monatsblätter für Pommersche Gesch», т. 53, 1939, стр. 45; H. Arbman, *Uppståndelse ägg av glaserad lera*, «Situne Dei», 1945, стр. 75; T. Lewicki, *Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich*, «Slavia Antiqua», III, 1950, стр. 365. [77]

напоминают технику сооружения других известных славянских судов³⁸.

Письменные источники подтверждают, что в X в. поморяне, ободриты и велеты выходили уже в открытое море. В одной из песен скальдов упоминается о борьбе норвежского ярла Хаакона (середина X в.) со славянскими воинами у побережья Скании. Адам Бременский, описывая Бирку времени ее процветания, т.е. около середины X в., отмечает, что в этот порт заходили торговые корабли славян, самбов, т.е. пруссов и других народов «Скифии». Так как этот автор называет здесь русских «греками», то он без сомнения имел в данном случае в виду западных славян³⁹.

IV. Развитие общественно-экономических отношений в западном районе Балтийского моря вступает во второй половине X в. в новую фазу, которую характеризуют окончательная победа феодального строя и образование централизованных монархий в ряде более развитых стран.

В Дании и южной части Скандинавского полуострова распространяется культура зерновых и скотоводство, охватившие также малозаселенные окраины. Возникают основы более крупного частного землевладения, в которых в довольно широкой мере использовался труд невольников. В Норвегии и северной Швеции, где природные условия не благоприятствовали земледелию, эти процессы происходили со значительным опозданием⁴⁰.

Результаты археологических исследований позволяют сделать вывод, что земледельческое производство способствовало развитию потребления. О прогрессе в технике земледелия свидетельствует часть плуга, найденная в Неборове. Среди более зажиточных групп населения стало распространяться употребление пшеницы вместо проса. Исследование костей из ряда поселений указывает на подавляющий перевес остатков домашних животных, в особенности свиней и коров⁴¹.

Эти условия ускоряли процесс выделения групп населения,

³⁸ W. Filipowiak, Wolin, стр. 54; P. Smolarek, Lokalizacji stanowiska łodzi Charbrów III, «Sprawozdania archeologiczne», т. IV, 1957, стр. 204.

³⁹ F. Jönsson, Dennorsk islandske Skjalde-digtning, т. I, København, 1908; Gothorm Sindri Haakonar drapa, стих. 3; Adam Bremeński, указ. соч. I, гл. 62; «ad quam stationem (Birka) quia latissima est in maritimis Sueoniae regionibus, solent omnes Danorum vel Nordmannorum i tem que Sclavorum ac Semborum naves aliique Scithiae populi pro diversis commerciorum necessitatibus sollempniter convenire».

⁴⁰ V. La Cour, указ. соч., стр. 505—510.

⁴¹ W. Hensel, Wczesnośredniowieczny krój z Nieborowa, «Z otchłani wieków», XXI, стр. 100—102; R. Kiersnowski, Rośliny uprawne i pożywienie roślinne w Polsce wczesnofeudalnej, «Kwart. Hist. Kultury Materialnej», II, 1954, стр. 352; M. Kubasiewicz, O czym mowią średniowieczne kości zwierzęce, «Szczecin», 1958, № 7/11, стр. 123—134; M. Klichowska, указ. соч. стр. 695—700.

занимающихся ремеслом, а также способствовали расширению внутреннего рынка. В связи с этим отмечается быстрый рост городских центров. Рядом с прежними поселениями возникают пригороды земледельческо-ремесленного характера, например, в Волине, Камене и Колобжеге. Вокруг больших городов вырастают многочисленные мелкие поселения, связанные с ними экономически⁴².

Производство западнославянских мастерских в этот период все более дифференцируется. Распространение гончарного круга привело к бурному развитию ремесленного гончарства. Возникают некоторые специализированные отрасли производства: изготовление стеклянных изделий, серебряных и золотых украшений с применением филигранной техники и грануляции, массовой и разнообразной продукции из рога и янтаря (Волин, Колобжег и Гданьск), производство оружия, бондарное и токарное дело (Старый Любек, Волин, Колобжег, Гданьск), кораблестроение и солеварни (Колобжег)⁴³.

В области обмена также можно констатировать в этом периоде известные изменения. Хотя по-прежнему перевес имела торговля на дальние расстояния, обслуживающая, главным образом, потребности верхних слоев общества, но наряду с ней начинает развиваться и обмен товарами на местных рынках. Как в скандинавских, так и в западнославянских странах, наряду с серебром восточного происхождения, все большую роль начинают играть монеты и другие товары из стран средней и западной Европы⁴⁴.

На побережье Балтийского моря в этот период возникает ряд новых городских центров, некоторые из которых вскоре по своему значению стали превосходить более древние поселения. Так, например, место Ладоги занял Новгород, в Швеции после падения Бирки (975 г.) на первое место вышла соседняя Сигтуна. На датских землях выделились Аархус, Виборг, Рингстед, Аалборг, в то время как Лейре совершенно потерял свое значение.

В формировании отдельных городских центров проявляется во все более широкой степени влияние раннефеодальной государственности. Создание епископских резиденций в Лунде, Рое-

⁴² W. Filipowiak, Wolin, стр. 50—52.

⁴³ W. Garczyński, Wczesnośredniowieczne rzemiosło Słowian pomorskich na podstawie wykopalisk, «Szczecin», 1958, N 7/11, стр. 93—111; E. Cnotliwy, Rzemiosło rogownicze we wczesnośredniowiecznych ośrodkach miejskich na Pomorzu Zachodnim, там же, стр. 113—122; J. Wojtasik, Bursztyn w pradziejach, там же, стр. 86—91; W. Filipowiak, указ. соч., стр. 52—58; K. Jażdżewski, Gdańsk X—XIII w., стр. 88—93; L. Leciejewicz, Początki Kolobrzegu, стр. 15—16.

⁴⁴ S. Bolin, указ. соч., стр. 214—220; H. Arbman, Svear i Österwiking, стр. 100—112; S. Tabaczyński, указ. соч., стр. 49—51, 55; T. i R. Kiersnowscy, указ. соч.

скильде или Оденсе дало, в значительной мере, повод для роста этих поселений⁴⁵. Все это еще отчетливее видно на примере Гданьска. Привисленский район развивался с некоторым опозданием по сравнению с западной частью Поморья и не имел важного городского центра. Только со второй половины X в. отмечается заметное экономическое развитие этого района, которое сделало возможным возникновение Гданьска. Результаты археологических исследований показали, что основание этого поселения можно отнести приблизительно к 980-му году. Вначале оно имело ремесленно-торговый характер и отличалось применением регулярного замкнутого способа застройки. Во время миссии епископа Войцеха (997 г.) Гданьск был уже важным портовым городом и резиденцией власти. Возникновение Гданьска без сомнения находится в непосредственной связи с захватом около 974 г. устья Вислы со стороны раннефеодального государства Пястов и создания там центра их владычества⁴⁶.

Подобное же влияние ранней феодальной монархии заметно и в Колобжеге. Во второй половине X в. здесь была проведена полная перестройка и расширение прежних укреплений, а в тысячном году Болеслав Храбрый основал в этом городе одно из четырех польских епископств, которое, правда, просуществовало очень недолго. Одновременно можно отметить значительное развитие добычи железа, необходимого, по всей вероятности для потребностей гарнизона укрепления, а также развитие солеварен, являющихся собственностью князя, расширение янтарного и рогового промысла⁴⁷.

Развитие других больших поморских и велетских центров имело тенденцию к созданию «городских республик», которыми управляли местные магнаты и духовенство при участии веча.

В устье Одры наибольшее значение имел Волин, который немецкий летописец Титмар из Мерзебурга называет «великим городом». Детальное описание Волина (около 1074 г.) мы имеем благодаря бременскому канонику Адаму. Он описывает Волин как важный порт, в котором много заграничных товаров и который в большом количестве посещают иностранные купцы. Между прочим, он упоминает и морской маяк (Olla Vulcani), который был сооружен, как можно предполагать, в устье реки

⁴⁵ H. Arbman, *Svear ...*, стр. 17—18; W. La Cour, указ. соч., стр. 504.

⁴⁶ W. La Baume, *Die vorgeschichtliche Besiedlung der Gegend von Danzig*. «Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins», 62, 1922, стр. 11—13; K. Jażdżewski. *Gdańsk X—XIII w.*, стр. 73—75, 88, 99; J. Canaparius, *Passio sancti Adelbsrti*, «МРН» I, гл. 27, стр. 180.

⁴⁷ L. Leciejewicz, *U źródeł*, стр. 26; Thietmar, *Kronika*, wyd. M. Jedlicki, Poznań, 1952, ks. IV, rozdz. 28: «Reinbernum ... salsae Cholbergis ... episcopum ordinavit.» [80]

Дзивны на острове Хростовском или у устья р. Свины в Любине. Бременский летописец указывает, что основным населением города были славяне. Однако наряду с ними имелись и представители других национальностей: «греки», т.е. русские, саксы, «варвары» (возможно, что последнее определение означает балтов). О славянских жителях Волина упоминает также англосаксонский источник «*Encomium Emmae reginae*» и песня скальда Арнора, которая воспевает борьбу датского короля Магнуса с волинянами в 1043 г. и характеризует их как языческих славян⁴⁸.

Вместе с частичным затовариванием внутреннего рынка возросло значение Щецина, связанного с обширными и богатыми земледельческими районами и в меньшей степени подверженного нападению норманнов, нежели приморские города. Неполные данные археологических исследований позволяют сделать вывод, что в X в. жители этого поселения занимались прежде всего рыболовством на щецинской лагуне, ремеслом и в меньшей степени торговлей⁴⁹.

В настоящее время мы не располагаем еще достаточными фактическими данными относительно развития велетских городов в этот период. Главный центр культа — Ретра, довольно хорошо известный по описаниям, археологически еще не локализован достаточно точно. Развитие укрепления черезпенян в Цецерове (Тетеров) относится, по-видимому, к началу XII в. Дымин был уже в середине XI в. значительным портом, имеющим торговые связи с Волиным. Сведения об Узнаме (Узедоме) этого периода в источниках отсутствуют, тем не менее можно предполагать, что уже к тому времени здесь существовал городской центр. На это указывает густое заселение острова, а также значительное количество кладов, найденных на его небольшой территории. Например, в Карсиборзе (район Во-

⁴⁸ Thietmar, указ. соч., стр. 361: «*Civitas magna Livilni*»; Adami. *Gesta*, II, гл. 19: «*Oddara ... in cuius osito ... nobilissima civitas Iumne celeberrimam praestat stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu ... Est sane maxima omnium quas Europa claudit civitatum, quam incolunt Sclavi cum aliis gentibus Graecis et barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi legem acciperunt ... Urbs ilia mercibus omnium septentrionalium nationum locuples...*» II, гл. 27, podaje, że król Harald Blaatand po porażce w walce z synem w r. 986: «... elapsus est ad civitatem Sclavorum quod Iumne dicitur. A quibus contra spem, quia pagani erant, humane receptus ... post aliquod dies... migravit»; A. Campbell, *Изд. Encomium Emmae Reginae*, London, 1949, lib. I, гл. 1: «... Fugatusque pater (tj. Harald Blaatand) ad Sclavos fugit»; G. Labuda, *Słowiąńszczyzna pierwotna*, стр. 304.

⁴⁹ T. Wiczorowski, *Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Szczecinie w 1954 r.* — «*Sprawozdania archeologiczne IHKM. PAN.*», т. I, 1955, стр. 195; он же, *Kilka uwag*, стр. 11 — 13; W. Filipowiak, *Badania archeologiczne nad tysiącleciem*, стр. 146 и сл.; G. Labuda, *Porblematyka badań wczesno dziejowych Szczecina*, — «*Przegląd Zachodni*», 1952, № 3/4, стр. 547 и сл.

лина, VIII в.), Косарзеве (Косеров, IX—X вв.), Квиличах (Квиулицц, около 1025 г.), Елецине (Геллентин, около 1070 г.), Свиноустье (район Волина, X в.) и, наконец, в самом Узнаме. Неменьшее значение имел соседний Вологощ (Волгаст), расположенный ближе к устью судоходной реки Пианы (Пеене)⁵⁰.

На территории ободритского княжества, наряду с более древним Шверином, в X в. приобретает значение Михлин (Мекленбург). Здесь уже во времена Оттона I и Оттона II встречаются первые немецкие форпосты, которые впоследствии были уничтожены восставшими. Хроника Адама Бременского называет в числе важнейших славянских портов Старогард и Ратцебург, резиденции епископов в X в.

Остров Рана (Рюген) только в XI в. стал в значительной степени принимать участие в торговой и экономической жизни славянского Поморья. Вполне возможно, что уже в этот период здесь большое значение имел лов сельди, которая большими косяками проходила у берегов острова⁵¹.

Самым большим городом западнославянского пограничного района был Старый Любек. Во время независимости раннефеодального княжества ободритов (IX в.) он достиг значительного расцвета. Археологические исследования, проведенные здесь в последние десятилетия, обнаружили остатки развитого ремесленного производства, например в области токарного дела и металлургии. Сохранились также следы регулярной застройки (здесь, между прочим, существовал примитивный водопровод). О торговых контактах жителей Любека свидетельствует также большой клад, закопанный около 1038 года. Он содержит около 1900 английских, 450 немецких и в меньшем количестве некоторых других монет⁵².

В свете письменных источников и все более обильных археологических материалов, можно установить, что передовые

⁵⁰ W. Kowalenko, Starosłowiańskie grody portowe na Bałtyku, — «Przegląd Zachodni», 1950, № 5/6, стр. 395 и сл.; он же, Piana Swina i Dzwina, стр. 54-55; J. Dowiat, Ukształtowanie się księstwa zachodnio-pomorskiego, — «Przegląd Historyczny», XLV, 1954, № 2/3; Adam Bremeński, указ. соч., II, гл. 19: «ab ilia civitate (tj. Iumne) ... traicitur ad Diminum urbem»; III, гл. 19, schol. 72: «in ostio fluvii civitas maxima quae Dimine vocatur»; R. Beltz, Der Schatzfund von Quilitz, — «Baltische Studien», 29, 1927, стр. 158, 183, 186.

⁵¹ Adam Bremeński, указ. соч., II, гл. 18: «Vaigri ... eorum civitas Aldinbunrg maritima ... Obodrizi ... et civitas corum Magnopolis ... item Polabingi quorum civitas Rezespurg.»; III, гл. 19: «MGH Diplomata Ottonis III», № 172, 995 г.: «Mechlenburg»; J. Nalepa, Pierwotne brzmienie nazw Meklenburga i Ratzeburga, — «Przegląd Zachodni», 1953, № 9/10, стр. 262—272; Helmold, Chronica Slavorum, гл. 37: «... apud Ranos non habitur moneta, sod quidquid in fore mercari volueris panno lineo comparabis».

⁵² Helmold, указ. соч., I, гл. 48, 54, 57; R. Beltz, указ. соч., стр. 180.

западославянские центры X—XI вв. имели характер развитых городских поселений, которые принципиально ничем не отличались от других городов северной Европы. Сведения об общественном устройстве этих центров все еще недостаточны, однако проведенные исследования позволяют констатировать значительное расслоение населения. Замкнутый способ застройки, который отмечается в Щецине, Волине и Гданьске, а также небольшие размеры участков указывают на то, что основным населением этих городов не были земледельцы. Западославянские города того времени имели, без сомнения, организованный аппарат власти, распоряжениями которого и были созданы такие общественные сооружения, как порты, набережные, мосты, маяки, деревянные мостовые и тротуары, мощные укрепления. Однако вопросы организации этой власти до настоящего времени еще недостаточно выяснены.

В связи с успехами в области производства и развитием городов, торговые контакты прибалтийских славян во второй половине X века еще более расширились. Теперь в обмене участвовали во все большей степени страны Западной Европы и вновь возникшие государства Центральной и Восточной Европы: Польша, Венгрия, Чехия и Киевская Русь. Поморское славянство посредничало в транзите товаров из этих стран в Скандинавию.

Главная морская дорога с запада на Балтийское море проходила через Ютландский полуостров, т.к. тогдашние мореходы весьма неохотно пускались в плавание по бурным волнам Скагеррака и Каттегата. Одним из таких перевалочных пунктов был порт Рибе, расположенный на западном побережье Ютландии, в самом узком месте полуострова, откуда можно было легко переправить товары до Колдинга на берегу Малого Бельта. Из Рибе морская дорога шла через фризские порты в устье Мозу до английского порта Правее около Дартмута и дальше, через Сант Мае в Бретании, через Ферроль на западном побережье Испании, Лиссабон, Гибралтар до портов Средиземного моря. Другие дороги соединяли Рибе с Бременом, Гамбургом и портами восточной Англии⁵³.

Еще большее значение имела морская дорога на Холлингстед в устье Ейдер, откуда товары по небольшим речкам перевозились в Хайтхабу. В этом порту сходились многие морские пути, соединявшие Западную Европу со странами Балтийского моря. Отсюда по сухопутной дороге можно было попасть в Аальборг в северной Ютландии и дальше морем в Тенсберг (норвежская провинция Викиен) и даже до Нидароса. Из Хайтхабу отправлялись на парусах через Борнхольм до Сигтуны

⁵³ Adam Bremeński, указ. соч., IV, глава I, приписка 96.

или через Готланд к куронскому и эстонскому побережью и дальше, в Великий Новгород⁵⁴.

Западноевропейские купцы, отправлявшиеся к прибалтийским славянам, имели на выбор несколько различных дорог. Одна из них шла сушей из Гамбурга в Хайтхабу или в вагрийский Старогард и дальше морем в Волин и, вероятно, в Колобжег и Гданьск. По морю можно было также добраться до Самбии, Куронии, Эстонии и через Финский залив до Новгорода, откуда шли пути в Киев и Константинополь. Другая сухопутная дорога вела из Гамбурга через Ратцебург, Сваржин (Шверин), Малахов (Малхов), Поздавилк (Пасевалк) до Щецина и Волина. Третья сухопутная дорога шла из Гамбурга через Хайтхабу, Старый Любек, Дарчев (Дассов), Вышомир (Висмар), Парково (Парков), Орле (Верле), Лавно (Лааге), Старый Кално (Альт Кален), Даргун, Волково до Дымина (Деммин) и дальше, через Узнамь (Узедом), в Щецин и Волин. Продолжением этих путей на восток являлась дорога, ведущая из Щецина через Старогард и Бялогард, которая соединялась здесь с приморским трактом, шедшим из Волина через Колобжег до Славны, Гданьска и Пруссии⁵⁵.

Не менее оживленные торговые отношения существовали между славянским Поморьем и Западной Европой. Товары из южной Германии доходили сюда, главным образом, через Магдебург, из Чехии — через Клодзко и дальше по Одре. Товары из южноевропейских стран — Венгрии и Чехии доставлялись на Поморье через посредничество пястовской Польши. Из Великой Польши вела старая дорога, бывшая в употреблении уже в раннем средневековье, через Устье и Пыржицы в Щецин. Другие дороги соединяли Крайну и Куявы с Колобжегом через Чаплинек и Барвицы или же через Щецинек и Боболицы. Вновь оживился путь вдоль Вислы из Куяв в Гданьск. Обмен с Русью происходил либо морским путем, либо сухопутно-речной дорогой вдоль Вислы через Дрогичин. Известие о походе в 1031 году князя Ярослава Киевского на Польшу с использованием ладей указывает на то, что в то время существовало водное сообщение между бассейном Днепра-Буга и Вислой. Вполне вероятно, что эта дорога являлась также и торговым

⁵⁴ Adam Bremeński, указ. соч., гл. 32; там же, гл. 16; там же, гл. 2: «Sliaswig, quae ei Heidiba dicitur. Ex eo portu naves emitti solent in Sclavaniam vel in Suediam vel ad Semlant usque in Graeciam»; K. Slaski — Stosunki krajów skandynawskich z południowo-wschodnim wybrzeżem Bałtyku od VI—XII w. — «Przegląd Zachodni», 1952, № 5/6, стр. 38—40.

⁵⁵ Adam Bremeński, указ. соч., II, гл. 19: «... inde ad semlant provinciam ... Iter eius modi est, ut ab Hammaburg ... pervenias ad Iumne civitatem per terram; nam per mare navim ingrederis ab Sliaswig vel Aldinburc ut pervenias ad Iumne. Ab ipsa urbe vela tendens ... ascendes ad Ostrogard Ruzziae ...»; E. Stegemann, Die «via regia» in Meclenburg, — «Mannus», 1940, № 32, стр. 440—442.

трактом. В окрестностях Хелма недавно был обнаружен довольно большой клад, в котором находились немецкие монеты того периода, что позволяет утверждать наличие здесь торгового пути в направлении Днестра⁵⁶.

Достижения западных славян в области мореходства способствовали развитию их контактов с заморскими соседями. Техника кораблестроения у западных славян достигла уровня, не уступающего скандинавскому. Из источников известно, что корабль, перевозивший в 997 г. миссию епископа Войцеха из Гданьска в Пруссию, мог вместить кроме персонала миссии также 30 воинов, приданных ей для охраны. При раскопках в Волине, Щецине и Колобжеге обнаружен ряд деталей судов, склепанных железными заклепками. На таких кораблях можно было безопасно пускаться в плавание по открытому морю. Из сообщений Адама Бременского следует, что купцы, приходившие по суше в Старогард, находили в этом славянском порту корабли, на которых они могли перевезти свои товары на другой берег Балтийского моря⁵⁷.

Весьма возможно, что морские походы западных славян не ограничивались водами Балтийского моря. Так, например, по хронике Ордерука «Лютиция» («Leuticia») и «Польша» оказывали помощь своим флотом датскому королю Свену в его походе на Англию. «Leuticia» означают, без сомнения, велетов, а известие о поляках скорее всего относится к поморянам, которые в то время подчинялись верховной власти польского короля Болеслава Щедрого. Позднейшие пиратские нападения на побережье Норвегии говорят о том, что славяне не боялись переплывать через проливы Каттегат и Скагеррак⁵⁸.

В этот период значительно укрепились мирные и военные контакты между западными славянами и Скандинавией. Источники упоминают о следующих событиях: о морском сражении викинга Олафа Триггвасона со славянами в 996 году, о двукратном пленении датского короля Свена Вислобородого ободритами в 990—995 гг., о походах его сына Канута Великого на

⁵⁶ F. Röhrig, Magdeburgs Entstehung und die ältere Handels Geschichte, «Miscellanea Academiae Berolinensis», II, ч. I, 1950, стр. 103 и сл.; S. Weyman, Zagadnienie dróg w Wielkopolsce, — «Przegląd Zachodni», 1953, № 6/8, стр. 215—216; А. Рыбаков, Торговля и торговые отношения, «История культуры древней Руси», ч. I, стр. 342; Z. Hilezerówna, Przyczynki do handlu Polski z Rusią Kijowską, — «Przegląd Archeologiczny», IX, 1950, стр. 10—13.

⁵⁷ J. Canaparius, указ. соч., гл. 27, 28, — «МРН», I, стр. 180; W. Kowalenko, Starosłowiańskie gordy portowe, стр. 387; W. Filipowiak, Wolin, стр. 54 и сл.

⁵⁸ Orderici Vitalis, Historia, I, IV, — «MGH. SS.», XX, стр. 55: «Adiuabant eum (Sueno) Polenia, Frisia nunc Saxonia, Leuticia quoque pro Anglicis opibus auxiliaris trumas mittebant»; T. Grudziński, Bolesław Szczodry, ч. I, — «Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu», LYII, стр. 129—132; W. Kowalenko, указ. соч., стр. 410—412.

славянские побережья в 1019 и 1022 гг., а также об ответных нападениях славян на Данию после его смерти и, наконец, о сожжении Волина датчанами в 1043 году⁵⁹.

Наряду с этими рассказами о военных событиях сохранились более или менее достоверные предания о браке Олафа Триггвассона с дочерью славянского князя Бурислава и о помолвке похищенной дочери славянского вельможи со шведским королем Олафом Скотконунгом. В 1026 г. какой-то князь Варцислав, возможно один из поморских властителей, выступил как свидетель в документе, выданном в Англии Канутом Великим. Очень интересно сообщение Адама Бременского о шведском священнике Осмунде, который в половине XI в. удостоился посвящения в епископы из рук какого-то польского архиепископа⁶⁰.

Не менее оживленные отношения существовали между балтийскими славянами и скандинавскими народами в экономической жизни. Начиная с 970 г. в кладах как западного, так и восточного Поморья появляется значительное количество датских, шведских и норвежских монет. Они скапливались, главным образом, в прибрежной полосе, но некоторые доходили и до внутренних районов (например Мястко, Польшун). Чаще, чем в предыдущие годы, в этот период в славянских землях встречаются мечи, импортированные с Севера, а также шпоры, встречающиеся главным образом на Поморье и в землях чрепнян. Из Скандинавии привозились также разнообразные украшения местного или чужеземного производства, как, например, золотые гривны (Волин, Хиддензее, Рюген, Росток), украшенные шкатулки (Камен, Дерков, р-н Ростока), магические украшения, так называемые молотки Тора (Гданьск, Вицьмице), щитовидные браслеты, брелки и т.д.⁶¹.

Западные славяне вывозили к своим северным соседям различные изделия своего ремесла в значительно большем количестве, чем в предыдущий период. Славянская керамика, главным образом из приодраских городов, встречается на восточном побережье Швеции в XI в. довольно часто. Изделия сла-

⁵⁹ F. Jonsson, указ. соч., I, стр. 149: Hallfred Ottarsson Clafsdrapa v. 4—5; Adam Bremeński, указ. соч., II, гл. 30, гл. 79; L. Koczy, Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów — «Prace Komisji Historycznej Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk», VIII, 1935, стр. 112—114; Magnus Bonis regis historia — «MGH. SS.», XVIII, стр. 397.

⁶⁰ Snorri Sturlusson, Heimskringla: Olafs saga Triggvason, p. 25; Odd Snorrason, Olafs saga, — «MGH. SS.», XXIX, стр. 373; L. Koczy, указ. соч., стр. 106—113; Adam Bremeński, указ. соч., III, гл. 15.

⁶¹ A. Suhle, Nordische Pennige in Funden von Pommern und Pommerellen, — «Mannus», 28, 1936, № 2, стр. 227; W. Łęga, указ. соч., стр. 166, 595, 616; W. D. Asmus, Wikingerspuren in Mecklenburg, — «Mannus», 26, 1934, № 1—2, стр. 29; H. Knorr, Die Hacksilberfunde Hinterpommerns, стр. 216 и след., J. Becker, Funde vom wendischen Burgwall Dierkow bei Rostock, — «Mannus», 26, стр. 21—24.

вянских гончаров отмечаются также в датских находках того времени. Характерными изделиями ободритского, велетского и поморского ремесла были височные кольца, которые широко расходились в соседних славянских землях, достигая также Швеции и Дании. К предметам импорта из западнославянских стран относятся также украшения, которые неоднократно находили в датских кладах (например, в Сеяро, Мункегарде, Вондеруне, Стурке) и в Сигтуне. Вполне возможно, что некоторые из этих предметов были великопольского происхождения и попадали в Скандинавию транзитом через Поморье. Следует, наконец, упомянуть вывоз изделий из янтаря, которые производились в большом количестве мастерскими в Волине и Колобжеге⁶².

Балтийские славяне являлись также посредниками при транзите в Скандинавию венгерских, чешских, польских, а отчасти и южнорусских товаров. Некоторые изделия Ближнего Востока, как, например, раковины, найденные в Волине, или византийский стеклянный брелок из Колобжега, могли попасть туда от норманских купцов⁶³.

В славянско-скандинавских торговых операциях известную роль играли невольники, хотя в этот период торговля живым товаром уже отошла на задний план, т.к. развитие феодальных отношений у прибалтийских народов создавало значительную потребность в рабочей силе в своих странах. Все же невольники, добытые во время военных походов или морского разбоя, неоднократно бывали предметом торговли. Так, Адам Бременский подчеркивает, что славянские жители островов Вебры (Фемарн) и Рану (Рюген) убивают пришельцев и пленных вместо того, чтобы их продавать, как это привыкли делать их соседи. В легенде о святом Олафе рассказывается, как одному человеку удалось бежать из славянской неволи и у гроба недавно умершего короля чудесным образом получить обратно отрезанный в неволе язык⁶⁴.

В последней четверти X в. можно отметить значительный наплыв англосаксонских монет в земли балтийских славян.

⁶² Н. Arbmán, Bidrag till kännedomen om det ädsta Sigtuna, — «Fornvannen», 1926, № 4, стр. 186—191; D. Skovmand, De danske Skattefund fra Vikingetiden, København, 1942, стр. 10, 96, 103, 122, 123; Н. Arbmán, Svear i Österviking, стр. 112, 133, табл. X; W. Filipowiak, Wolin, стр. 52; Н. Knorr, указ. соч., стр. 207—213; J. Wojtasik, указ. соч., стр. 83—84.

⁶³ L. Leciejewicz, Badańia 1958, (машинопись); W. Filipowiak, Wolin, стр. 60; K. Jażdżewski, Gdańsk, стр. 62 и сл.; Н. Arbmán. Une route commerciale, стр. 438.

⁶⁴ Adam Bremeński, указ. соч., IV, гл. 18: «... nemeni parcant ex transeuntibus. Omnes enim alii vendere solent, illi occidunt.»; G. Storm, Acta S. Olavi regis et martyris, — «Monumenta historica Norvegiae: Latinisque kilderskrifter», Oslo, 1880, стр. 137.

В большом количестве они появляются в 980—1045 гг., составляя почти 1/3 общего содержания кладов того времени. До сих пор в науке существовало мнение, что эти монеты попадали в славянские земли исключительно от датских купцов. В последнее время Т. Левицкий, анализируя рассказ арабского писателя Аль Бекри, обратил внимание на место, в котором говорится, что среди англосаксов наблюдалось знание славянского языка именно благодаря их близким отношениям со славянами. Имея в виду, что интерес англосаксов к Балтике можно отметить уже во время путешествия Вульфстана, а также учитывая известия хроники Ордерука, можно предполагать, что часть импорта с Британских островов попадала на западнославянское побережье непосредственно из Англии⁶⁵.

Не подлежит сомнению также наличие широких торговых отношений между балтийскими славянами и северной Русью. Русский импорт содержал, главным образом, различные украшения: серьги, стеклянные и серебряные бусы (например, Члухов, Фишерова Гута близ Картузов), трещотки (Барвино), глиняные расписные яйца (Карница у Славно), застежки и пряжки из шифера, посуда и шелковые ткани (Гданьск) и значительную часть изделий византийского происхождения. Последнее время исследователи обращают внимание на значение сухопутного пути из Киева через Дрогичин в Пруссию и на Гданьское Поморье. Проблема экспорта из западнославянских земель на Русь исследована значительно хуже. Вполне возможно, что балтийские славяне были посредниками в торговле Руси с немцами⁶⁶.

Из хроники хорошо информированного Адама Бременского можно сделать вывод о существовании контактов между западными славянами и балтийско-финскими народами. Эти контакты осуществлялись в основном через Балтийское море. Так, до настоящего времени в славянском Поморье найдено сравнительно небольшое количество предметов, импортированных из этих районов (например украшения, найденные в Волине), то само собой напрашивается вывод о том, что обмен в этом на-

⁶⁵ А. Suhle, указ. соч., стр. 230—231; Т. Lewicki, Ze studiów nad źródłami arabskimi, ч. II, — «Slavia Antiqua», V, 1956, стр. 165-180.

⁶⁶ Por przypisy 48 i 49; А. Рыбаков, указ. соч., стр. 342, 345; О. Kunkel, Forschungsbericht, — «Baltische Studien», 41, 1939, стр. 311—313; Н. Arbman, Uppstandelseägg av glaserad lera, — «Situne Dei», 1945, стр. 75—76; он же, Une route commerciale, стр. 437; R. Kiersnowski, O tzw. ruskich monetach Bolesława Chrobrego. — «Studia historica: księga pamiątkowa ku czci H. Łowmiańskiego», Warszawa, 1958, стр. 96—97; S. Tabaczyński, указ. соч., стр. 30; К. Jażdżewski, А. Kamińska, Badania nad początkami Państwa polskiego: Gdańsk, — «Przegląd Zachodni», 1953, № 1/3, стр. 235.

правлении относился в значительной степени к товарам транзитного происхождения⁶⁷.

На рубеже X—XI вв. существовали оживленные торговые отношения между балтийскими славянами и землями Германской империи, о чем свидетельствует, между прочим, возрастающее количество немецких монет, чаще всего регенсбургской чеканки, находимых в славянских кладах. Изготовленная в окрестностях Кельна посуда встречается как в раскопках на запад от Одры, так и в Гданьске. Прирейнские стекольные мастерские поставляли роскошную стеклянную посуду, из Фландрии через Германию привозились тонкие сукна. Важную отрасль импорта составляло оружие прирейнских мастеров и из Пассау на Дунае. Экспорт из славянских земель в Германию содержал главным образом сырье: мед, воск, меха, а возможно также соленую рыбу и мясо⁶⁸.

В этот период развивается торговля с мусульманскими государствами в Испании. Адам Бременский сообщает, что испанские купцы добирались до земель куров. Можно предположить, что портовые центры славянского Поморья, лежавшие на их пути в Испанию, были им хорошо знакомы. Другая сухопутная дорога вела из Испании через Магдебург, Майнц и Францию. Арабские купцы привозили предметы роскоши, в обмен на которые они приобретали меха и янтарь. Ибн Хаукаль, писавший в 943—977 гг., передает, что из славянских рек доставляли в Испанию бобровые меха. Действительно, в землях балтийских славян, изобилующих небольшими речками, эти животные водились в очень большом количестве еще во времена позднего средневековья. Один из левых притоков Пианы даже носил в XII в. название Бобровый⁶⁹.

Возникновение пястовского государства и захват им Поморья оказали влияние на расширение торгового обмена между центральными польскими землями и балтийским побережьем. Поморские порты стали в это время посредниками в контактах польских земель, а также Чехии и Венгрии с заморскими странами. Высокий уровень ремесла балтийских центров был причиной того, что изделия из этих районов распространялись широко в глубь страны. Предметами вывоза в Великую Польшу были: ножны для кинжалов, украшенные ковкой, ви-

⁶⁷ Adam Bremeński, указ. соч., II, гл. 19; K. A. Wilde, Die Bedeutung der Grabung Wolin 1934, Szczecin, 1939, стр. 90.

⁶⁸ W. Filipowiak, Wolin, стр. 65; K. Jażdżewski, Gdańsk, стр. 79; J. Becker, указ. соч., стр. 23; M. M. Knorr, Die Hacksilberfunde im Weichsel und Wartheraus, — «Mannus», 32, 1940, № 3, стр. 437; Adam Bremeński, указ. соч., IV, гл. 18.

⁶⁹ Adam Bremeński, указ. соч., IV, гл. 16; «Churland ... a toto orbe ibi responsa petuntur maxima ab Hispanis et Graecis.»; T. Lewicki, Świat Słowiańskie w oczach pisarzy arabskich, — «Slavia antiqua», II, 1949, стр. 336; он же, Źródła arabskie, стр. 98.

сочные кольца ободритско-поморского типа и различные янтарные изделия, найденные в Гнезно и Ополе. Из Колобжега привозилась соль, а также соленая рыба, о чем упоминает хроника Галла Анонима⁷⁰.

Экономическое развитие балтийских славян имеет в этот период много общих черт с общественными отношениями, имевшими место в скандинавских странах. Разница экономического уровня, еще заметная в VIII—IX вв., значительно выровнялась. Но зато резко увеличилось различие в социальном отношении, в связи с тем, что в Скандинавии возникли раннефеодальные монархии и широко распространилось христианство.

V. В историографии скандинавских стран середина XI в. считается концом «эпохи викингов». В истории балтийских славян период от 1040 г. до 1070 г. также является окончанием определенной исторической фазы их развития. В данной статье мы пытались проследить чередование этапов этого развития в течение пяти веков, до полной победы раннефеодальных форм производства, и представить на фоне этого процесса экономические контакты балтийских славян с их соседями.

На первом этапе, продолжавшемся до конца VIII в., обмен носил нерегулярный характер и удовлетворял в основном лишь потребности формировавшегося класса феодалов. В контактах балтийских славян с их соседями на первый план выступают связи с фризскими и франкскими центрами, которые являлись посредниками в доставке рабов и сырья с Севера на рынки мусульманских государств. В это время постепенно развивается также торговля с народами Скандинавии, особенно со Швецией и Данией. Развитие производительных сил у балтийских славян и скандинавов в этот период шло, в основном, параллельно. Однако последние достигли уже более высокого уровня металлургического производства и овладели техникой мореходства в открытом море, что дало им возможность поддерживать более широкие отношения с другими народами.

На втором этапе (приблизительно с IX в. до середины X в.) феодальные отношения постепенно побеждают как у балтийских славян, так и в Скандинавии. Все больше развивается ремесло и торговля, которые сосредоточиваются главным образом в возникающих городских центрах. Основные центры западных славян — Волин, Колобжег и др. — возникли и развивались одновременно с Биркой и Хайтхабу, с которыми уже

---

⁷⁰ Н. Arbman, *Svear ...*, стр. 112—115; указ. соч., № 99 (например, чешские монеты из Мержегиипа (около 995 г.), Копыткова (около 1000 г.), Мяска (1020 г.), венгерские — из Семьсья (1064 г.); Н. Knorr, *Die slavischen Messersseidenbeschläge*, — «Mannus», 30, 1938, № 4, стр. 520, 531, 543; W. Hołubowicz, *badania nad początkami państwa polskiego w 1952 r.*: Opole «Przegląd Zachodni», 1953, № 1/3, стр. 245; Galli Anonymi, *Chronicon*, II, гл. 28.

в X в. они успешно конкурировали. В расширяющейся международной торговле принимали, прежде всего, участие имущие слои городского населения. Располагая прибавочным продуктом, производимым неимущим населением, они могли концентрировать в своих руках значительное количество товаров и благородных металлов, что обеспечивало регулярность торговых отношений. Этот период характеризуется значительным наплывом ценных металлов из стран Ислама, откуда они попадали к западным славянам через посредничество скандинавов и Руси по морским и сухопутным дорогам. Оживился также и непосредственный торговый обмен со Скандинавией, который заключался в основном в экспорте керамики и продуктов славянского ремесла в обмен на изделия скандинавской металлургии и различные товары, импортированные из Западной Европы. В этом обмене начиная с IX в. активное участие принимали славянские купцы, которые плавали в Бирку, Хайтхабу и другие скандинавские порты. Наряду с этим в X в. все больше развиваются сухопутные связи славян с Германией, арабской Испанией и польскими землями.

Третий этап, охватывающий целое столетие — это период окончательного образования раннефеодальных государств у скандинавов, в Польше и у некоторых других прибалтийских народов. Обмен балтийских славян со Скандинавией наряду с товарами собственного производства в значительной степени содержал также транзит товаров из Чехии, Польши и Венгрии. В этом обмене большую роль играл путь по Висле, на котором в конце X в. возникает портовый город Гданьск. Наплыв арабского серебра на Балтику уменьшается, уступая место западноевропейским товарам и монетам. Балтийские славяне устанавливают в это время прямые связи с Англией, а также с Великим Новгородом. Западнославянские мореплаватели успешно конкурируют со скандинавами как в области мирной торговли, так и в пиратских набегах.

Всю рассмотренную выше эпоху, охватывающую почти пять столетий, в целом можно было бы условно охарактеризовать как период преобладания внешней торговли. Около середины XI в. в истории балтийского славянства все отчетливее проявляется новая ступень развития. Ее отличает значительное расширение ремесленной продукции и возникновение местных рынков. Одновременно расширяется круг участников торгового обмена. Потребителями товаров становятся, кроме господствующих классов, также средние слои рыцарства и горожан, потребности которых в значительной степени могли удовлетворяться ремесленной продукцией своей страны. В связи с этим уменьшается значение внешней торговли в пользу внутреннего обмена. Быстрое обращение обменных средств исключает создание кладов, а место благородных металлов занимают чекан-

ные деньги. К явлениям внутреннего характера присоединялись также внешние факторы, как, например, нашествие турецких племен на мусульманские страны центральной Азии, прогрессирующее разложение Византийской империи, установление обмена непосредственно между русским государством и странами Халифата. Все эти моменты в общем привели к ослаблению контактов между прибалтийскими странами и Ближним Востоком и прекращению наплыва арабского серебра⁷¹.

Исследования последних лет показали, что в противовес взглядам некоторых историков, в государствах балтийских славян в середине XI в. не произошло упадка экономической жизни, а отмечается только задержка в развитии некоторых центров. Известное обеднение населения Гданьска связывается с пожаром этого города во время польско-поморской войны 1091 г. В Волине политический и экономический упадок на рубеже XI—XII вв. был скорее всего связан с тем, что город лишился обширных сельскохозяйственных областей, поставлявших ему свои продукты, что вызвало, в свою очередь, упадок внешней торговли. Одновременно с этим для других центров балтийского Поморья характерно непрерывное развитие и территориальное расширение, а также заметный прогресс в денежном обращении и во внешней торговле. Настоящие данные получены в результате археологических открытий в Старом Любеке, Колобжеге, Щецине, Камене и в некоторых других местах. Но все эти вопросы уже выходят за рамки данной работы⁷².

⁷¹ S. Tabaczyński, указ. соч., стр. 50—56; H. Łowmiański, *Postawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich*, Warszawa, 1953, стр. 210—215; Б. Греков, *Киевская Русь*, Москва, 1953, стр. 435; S. Bolin, указ. соч., стр. 220 и сл.; H. Arberman, *Svear ...*, стр. 18 и сл.; V. La Cour, указ. соч., стр. 504—507; M. Małowist, *Z problematyki dziejów gospodarczych strefy bałtyckiej*, — «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», X, 1948; H. Ziolkowski, *Ze studiów nad najstarszym targiem polskim*, — «Slavia Antiqua», IV, 1953, стр. 160 и сл.; Р. А. Романов, *Деньги и денежное обращение*, «История культуры древней Руси», I, стр. 380 и след. К. К. Slaski, *Udział Słowiań w życiu gospodarczym Bałtyku na początku epoki feudalnej*, — «Pamiętnik Słowiański», т. IV, ч. 2, стр. 255—261; A. Gardanski, J. Gassowski, *Polska starożytna i warsnośr ...* стр. 176—186.

⁷² L. Leciejewicz, *U źródeł ...*, стр. 22 и сл.; он же, *Badania archeologiczne nad wczesnym średniowieczem na Pomorzu Zachodnim w ostatnim dziesięcioleciu*, «Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza», IV, I, 1958, стр. 345—352; W. Filipowiak, *Początki Kamienia Pomorskiego*, «Szczecin», 1958, № 4/5; K. Jażdżewski, *Gdańsk*, стр. 99 и сл.